



Пролог

*22 августа 2617 года по летоисчислению Земли.
Линия Хаммера¹*

Знойный, хмурый полдень на Везувии озарили
отсветы множества извержений.

Отравленный выбросами вулканической деятельности воздух не годился для дыхания, низкое небо, сплошь затянутое косматыми, свинцово-серыми облаками, висело низко, отражая багрянец огненной стихии.

Казалось, распростершийся под низким, давящим небом мир совершенно непригоден для жизни, но война изменила многие критерии целесообразности.

Везувий был не просто колонизирован, а плотно заселен: здесь располагались промышленные базы Земного Альянса, обеспечивающие ремонт пострадавшей в боях техники, — с театров боевых действий на орбиты планеты, через аномалию космоса буксировали поврежденные космические корабли, которые затем доставляли на поверхность при по-

¹ Линия Хаммера — ближайшие к Земле звездные системы, образующие рубеж обороны на дальних подступах к прародине Человечества. После окончания войны планеты Линии Хаммера были закрыты на карантин из-за обилия кибернетических устройств, оснащенных программами независимого поведения.

мощи специальных технических носителей¹. Немало прибывало транспортов с разбитыми серв-машинами, которые еще подлежали ремонту или предназначались для разборки на запасные части.

На Везувии базировались не только «сухие» ремонтные доки для крупнотоннажных кораблей, но и заводы по восстановлению планетарной техники — в суровых условиях горячей, молодой планеты, где деятельность вулканов не требовала дополнительных средств маскировки, а полезные ископаемые залегали буквально на поверхности, имелось еще одно преимущество: расположенные тут полигоны, предназначенные для испытаний восстановленных серв-машин, идеально отвечали критериям условий, «приближенных к боевым».

Дональд Кроу относился к жизни легко.

Служба на испытательных полигонах Везувия в другое время не показалась бы синекурой, но когда идет страшная по количеству жертв и накалу боевой война, которой, как пожаром, охвачен весь освоенный людьми космос, жизнь под низким, свинцовым небом покажется райской, если альтернатива — почти гарантированная смерть.

В общем, он не роптал на судьбу.

Сегодняшний день не сулил неприятностей и вряд ли, в понимании Дональда, отличался от сотен других серых и скучных, наполненных трудной, но не опасной работой.

Сегодня ему предстояло прогнать тест у трех «Хоплитов», отреставрированных после жестоких

¹ Технические носители — специализированные корабли, предназначенные для проводки через атмосферы планет кораблей крупного и среднего тоннажа.

боев. Ничего сложного или необычного — прогулка по коварной пересеченной местности в условиях плохой видимости из-за постоянного падающего с небес вулканического пепла, пара прыжков на реактивных ускорителях через неширокие реки лавы, пересекающие равнину, стрельба по мишеням.

Кроме необходимости провести много часов в стареньком боевом скафандре, в котором к тому же сбила система терморегуляции, иных неудобств не предвиделось.

Покинув ангар, Кроу уверенной походкой направился к крайней в ряду машине. «Хоплит-2М» — новая модель, обещающая стать настоящей «рабочей лошадкой» десантных подразделений на ближайшую перспективу.

Подойдя к сорокапятитонному исполину, Дональд невольно обратил внимание на внешний вид машины: оба подвесных орудия заменены; на оружейных пилонах по правому борту красовалась новенькая сборка ракетных тубусов, зенитная турель вообще отсутствовала, вместо нее конструкторы установили два лазера средней мощности на вращающихся ложементах.

Интересная конфигурация, — подумал Кроу, обходя серв-машину. Под слоем свежего маскирующего покрытия «хамелеон» (в данный момент деактивированного) на некоторых бронеплитах сегментированной обшивки угадывалось множество выщербин. — *Досталось же ему,* — мысленно удивился Дональд, заметив, что все бронированные кожухи, закрывающие сервомоторные узлы, отливают свежим заводским глянцем, — их сменили, как и подавляющую часть керамлитовых сегментов. Создавалось впечатление, что сервомеханизм получил не

просто критические повреждения, он был в буквальном смысле изрешечен...

Трудно даже представить, в какой дикой мясорубке пришлось побывать этому «Хоплиту», чтобы получить *такие* повреждения.

Ладно. Мое дело — протестировать механизм.

Настроение у Дональда было отличным, он открыл защитную заслонку и коснулся сенсора технического доступа в рубку.

Послушно раскрылся люк, с пятиметровой высоты спустилась телескопическая лесенка.

Насвистывая веселый мотивчик, Дональд поднялся к рубке, прошел через шлюз и оказался внутри серв-машины.

Обзорные экраны включились при его появлении, подвижные приборные панели, плотно обступаящие пилот-ложемент, отодвинулись, освобождая пилоту проход к креслу.

Он включил дистанционную связь через устройства импланта¹ — при этом не инициировался полноценный нейросенсорный контакт разума человека с системой «Одиночка», а включался режим мысленных команд третьего уровня — вполне достаточно для технического тестирования, тем более что большинство операций машина будет производить сама, а дело Дональда — подкидывать ей внезапные вводные, на которые киберсистема должна реагировать быстро и адекватно.

Ну что, детка, начнем?

В ответ канал связи отозвался глухой тишиной.

¹ Имплант — вживляемый контактный разъем для подключения соединительного кабеля, через который осуществляется контакт человека с кибернетической системой. По мере развития технологий необходимость в соединительном кабеле отпала, сам имплант усложнился.

Приборные панели автоматически вернулись на место, зажглись огни индикации автопилотов — машина демонстрировала полную готовность к прохождению испытаний, но модуль «Одиночки» не желал разговаривать с человеком.

Дональд разозлился.

Вообще он был покладист, даже немного трусоват, лишь в общении с бездушными и безропотными машинами позволяя себе снисходительную развязность.

В конце концов, что бы там ни твердили о наличии искусственного интеллекта у нового поколения «Одиночек», типа «Беатрис-4», которая, судя по спецификации, установлена на борту данного «Хоплита», но Кроу неизменно относился к машинному разуму как к дешевой подделке, — подумает, искусственный интеллект, что ж теперь с каждым дройдом пехотной поддержки беседовать, как с равным?

Нет уж, детка, кончай привередничать. Наверное, у тебя милый голосок. Ну, скажи: «Доброе утро, пилот»...

Тишина в коммуникаторе неприятно оглушала. Она казалась вязкой, неприязненной, враждебной.

Ладно. Я с тобой разберусь, — раздраженно подумал Дональд, застегивая страховочные ремни. Амортизационные дуги пилот-ложемента, катапультируемого в случае критических повреждений машины, автоматически сомкнулись, приборные панели придвинулись еще ближе, все сигналы индикации свидетельствовали о полной готовности к ходовым испытаниям.

Вперед, прямо на пятьсот метров, затем поворот — девяносто градусов вправо. Пошла!

«Хоплит» не шелохнулся.

Вот дрянь... Что ты возомнила о себе, железка? Я ясно сказал: начинаем движение!

В следующий момент произошло нечто невероятное. Вместо того чтобы подчиниться приказу, машина внезапно зажгла на пульте злобный предупреждающий сигнал, затем раздался характерный звук раскрывающихся, будто металлический бутон, бронеплит рубки управления, и пилот-ложемент с онемевшим от неожиданности Дональдом швырнуло к хмурым небесам Везувия болезненным ударом аварийно-спасательной катапульты.

«Хоплит», катапультировав пилота, включил канал телеметрии, транслируя данные о работе систем на центральный диспетчерский пункт полигона, и начал движение — на пятьсот метров прямо, потом направо, и дальше, — по собственной инициативе, преодолевая различные преграды и расстреливая внезапно появляющиеся мишени.

* * *

Когда Дональд Кроу, освободившись от страховочных ремней благополучно приземлившегося ложемента, доковылял до командного пункта, «Хоплит» уже завершил тестовую программу, самостоятельно вернулся к ангару и занял место в центре разметочного круга.

Войдя в помещение диспетчерской, Дональд, уже успевший разгерметизировать шлем, разразился яростной бранью.

Начальник полигона — майор, потерявший в боях обе руки (теперь их заменяли ему кибернетические протезы), — повернулся, посмотрел на разъяренного пилота и произнес:

— Успокойся.

— Успокойся?! Да эта фрайгова машина вышвырнула меня из рубки!

— Я видел.

— И что?! — Лицо Кроу исказила злобная гримаса.

— Видно, ты пришелся не по душе «Беатрис», — сохраняя хладнокровие, ответил майор. — Я тут посмотрел документы, она потеряла пилота в последнем бою. Оттуда попала к нам.

— У нее травматический шок?! Не может видеть других людей? Не желает слушать чужие приказы?! Страдает по своему пилоту?

— Да, — с холодной неприязнью в голосе ответил майор.

— С каких это пор «Одиночкам» позволено переживать, а тем более вышвыривать человека из рубки?!

— У нее погиб пилот, — словно не слыша слов Дональда, повторил старший офицер полигона. Он в отличие от Кроу знал, что это такое — терять боевых друзей, он видел, как плачут мужчины, и, сравнивая хамское поведение пилота-испытателя со сдержанной реакцией искусственного рассудка, познавшего боль смертельной утраты, находил, что сравнение не в пользу Кроу.

— Ладно, — устало произнес майор. — Машина полностью прошла тест. Она исправна. Давай, подписывай акт испытаний, и забудем о случившемся.

— Что?!

— Ничего. Я наложил свою резолюцию: испытания успешны, «Хоплит» рекомендован к эксплуатации в автоматическом, беспилотном режиме. Под-

писывай, или клянусь богом — я найду способ отправить тебя на фронт!

Лицо Дональда вытянулось, побледнело — он в первый раз видел флегматичного майора *разъяренным* и ни на миг не усомнился, что тот выполнит данное обещание.

Проклятье...

— Ладно, я подпишу... — произнес Кроу.

Склонившись над листом пластбумаги, где были отпечатаны данные по испытаниям, он, ставя подпись, краем глаза успел взглянуть на другие бумаги.

Для большинства машин, из последней партии, в графе «подразделение-отправитель» значилось одно и то же:

«Тринадцатый серв-батальон».



Глава 1

25 июня 2624 года. Линия Хаммера

Они прибыли на Юнону в составе последнего пополнения.

Двести человек, еще юные: в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет.

Челнок, доставивший их с борта общевойскового транспорта, приземлился на рассвете, когда край пылающего диска Юны едва показался из-за линии горизонта.

Первое впечатление о том, что планета полностью терраформирована и утопает в зелени, оказалось обманчивым. Под маскирующими лесопосадками, состоявшими из одной породы хвойных деревьев, модифицированных в военных лабораториях Новой Земли¹, пряталась разветвленная структура военных баз, космодромов, полигонов для испытаний новой техники — планета представляла собой отнюдь не лесопарк, как виделось с орбиты, а единый научно-испытательный комплекс, где проходили обкатку новые образцы вооружений.

¹Новая Земля — первая из внесистемных колоний Человечества. В период войны входила в состав Линии Хаммера. Научные исследования, проводившиеся на Новой Земле, были направлены на разработку генетически измененных форм растений и микроорганизмов.

Встречавший новобранцев капитан дождался, пока нестройная толпа подравняется и перестанет гомонить: от обшивки челноков исходил жар, в постепенно наступившей тишине слышалось потрескивание остывающих бронеплит, ключья утреннего тумана выдавливали из небольшой низины, образованной сетью дренажных канав на краю старто-посадочного поля, оранжевые лучи Юны озаряли верхушки деревьев неестественными для жителей Земли призрачно пламенеющими оттенками ядовитого багрянца — все это, складываясь вместе, создавало неповторимое впечатление, заставившее вновь прибывших притихнуть.

Капитан терпеливо ждал, зная, что воздействие Юноны уgomонит молодежь лучше всяких окриков. Жители земных мегаполисов, никогда не видевшие открытых пространств, беспечные, неорганизованные, еще не осознающие до конца, куда и зачем их привезли, действительно притихли; их взгляды, впитавшие новую реальность, невольно обернулись к стоявшему особняком офицеру.

— Мальчики и девочки, — тихо, даже вкрадчиво начал говорить он, заставив смолкнуть последние голоса. — Я знаю, что лишь немногие из вас прибыли сюда по своей воле, записавшись добровольцами на мобилизационных пунктах. Впрочем, теперь уже не важно, какие желания, мотивы, убеждения или их отсутствие заставили вас скрываться от мобилизации или добровольно прийти в пункт вербовки. Оглядитесь вокруг и осознайте тот факт, что находитесь на иной планете, вне привычной обстановки. Я не стану орать на вас, обзывать недоносками и обещать сделать из каждого крутого солдата. Кто насмотрелся скверных фильмов, может забыть о ложных впечатлениях. Отныне вы — пи-

лоты серв-машин. Первый шаг с трапа челнока стал шагом от безалаберной гражданской жизни в войну.

Обратной дороги нет. Никто не станет унижать или пытаться сломать вас, чтобы превратить из толпы в «настоящих солдат». Там, куда вы отправитесь, выживает только сильнейший и искуснейший. Просто забудьте все, что было в прошлом. Отныне каждый из вас — личность. Личность пилота. Только индивидуальные качества определяют в первом же бою, кому выжить, а кому умереть. Запомните мои слова — те, кому повезет, будут потом часто вспоминать их. Пилот серв-машины — прежде всего — индивидуальность, ибо в руках каждого из вас будет сосредоточена техногенная мощь, способная уничтожить любое препятствие на пути. Понятия дружбы в условиях современной войны зачастую теряют свой смысл. Просто рядом может не оказаться ни одного живого боевого товарища — только машины.

Поэтому каждый должен научиться быть лидером, повторяю — не важно, кем вы были вчера. А теперь, — он повернулся, — следуйте за мной.

* * *

— Чокнутый какой-то. Наверное, контуженный на всю голову, — вызывающе пробурчал молодой афроамериканец. — Что думаешь? — обратился он к шагавшему рядом сухощавому подростку европейской наружности. — Как тебя зовут?

— Антон Верхолин, — ответил тот.

— А я Саймон. Саймон Грин. — Он чуть сбавил шаг, подстраиваясь под походку Антона. — Давай держаться вместе.

— Давай, — охотно ответил Антон.

— Слушай, а как тебя загребли?

— Просто. Всех нас привезли сюда по одной

причине. — Верхолин шел, глядя себе под ноги, будто на гладких плитах космодрома могло попасться какое-то неожиданное препятствие. — Бесплатные уличные кабины виртуальной реальности.

— Подумаешь, кабины!.. — фыркнул Саймон. — Я каждый день проводил в них по много часов. И что?

— Так подумай. Симулятором *чего* они являлись? Саймон поджал пухлые губы.

— Думаешь? — недоверчиво переспросил он. — Конечно, игры в войну — здорово, особенно когда заняться вообще нечем. Но не до такой же степени!

— Именно до такой, — ответил ему Верхолин.

Саймон притих, невольно втянув голову в плечи, став на пару сантиметров ниже ростом.

Нет, он не трусил, чувство проходило на ином уровне восприятия: вдруг стало ясно, что слова встретившего их офицера — не пустые штампованные формулировки.

Блин, он ведь говорил с нами, как с равными, — невольно подумалось Саймону. Неужели Антон прав, и на поверхность странного, чуть жутковатого мира его, как и остальных, привело суммарное количество баллов, полученных при использовании виртуального симулятора серв-машины?!

Саймон, конечно, теоретически признавал: поднявшись в рубку «Хоплита» или «Фалангера», он не раскроет рот от удивления, но шагавший неподалеку офицер, похоже, был уверен, что каждый из них способен на большее...

Он покосился на Антона, но обсуждать с новым товарищем внезапные перспективы почему-то расхотелось. Посмотрим... Посмотрим, зачем на самом деле нас притащили сюда...

* * *

У Человечества, по крайней мере, в той его части, что развязала войну в космосе, дважды появлялся реальный шанс остановить боевые действия, но этот шанс ни разу не использовали.

Почему? Почему, несмотря на огромные цифры потерь, война, замерев на миг в мертвой точке, не затухала, а напротив, вспыхивала новым, яростным и непримиримым накалом боев?

Говорят, уже спустя пять лет после завершения блокады Дабога, войну со стороны Альянса вели в основном машины, и данный фактор все сильнее раскручивал маховик противостояния, не позволяя ему остановиться.

Общепризнанная ложь.

Войну начинали и закончили люди¹, а машины еще на протяжении тысячелетий хранили верность несуществующим силам, если говорить просто и прямо — оставались заложниками созданных людьми программ.

* * *

18 июля 2624 года.

Борт крейсера «Апостол» — флагмана седьмого ударного флота Земного Альянса

Адмирал Купанов удобно расположился в кресле и сидел, полуприкрыв глаза, отдавшись власти виртуальной реальности.

Экстренное совещание только что началось, обмен данными между флагманскими единицами се-

¹ «Войну начали и завершили люди» — эта фраза тесно связана с действительными событиями конца Первой Галактической. Войну остановил адмирал Табанов, командовавший объединенными силами космического флота Альянса. Подробнее о тех событиях — в романе «Омикрон».

ми ударных флотов осуществлялся на основе плавающих каналов гиперсферных частот¹, что исключало возможность прослушивания.

Шел пятнадцатый год Галактической войны.

Силы Земного Альянса, так и не сумев овладеть территориями развитых планет-колоний, оказались втянуты в борьбу с противником, чья материально-техническая база уже не уступала формированиям прародины Человечества.

— Господа, я должен начать наше совещание с прискорбной вести: Джон Уинстон Хаммер скончался сегодня утром, — произнес ведущий совещание адмирал Нагумо.

Высшие офицеры флота молча встали.

На лицах непроницаемое выражение: ни скорби, ни радости, ни ошеломления. Все приглашенные на совещание имели тысячи причин ненавидеть и бояться человека, развязавшего войну, но каждый держал мысли под жестким контролем рассудка.

— Прошу садиться, — выдержав паузу, проронил адмирал Нагумо. Он почти не изменился за полтора десятилетия боевых действий и выглядел все так же: сухощавый старик с морщинистым лицом и ясным, пронзительным взглядом.

— В связи с кончиной Джона Хаммера я приступил к исполнению обязанностей Главы Всемирного Правительства и Верховного Главнокомандующего.

Слова Нагумо не встретили ропота, ответом послужила тяжелая, осязаемая тишина. Подобный исход кулуарной борьбы последних лет казался впол-

¹ Канал гиперсферной частоты — способ внепространственной связи, использующий линии напряженности аномалии космоса.

не очевидным, Александр Нагумо командовал объединенным Генеральным штабом флотов уже более десяти лет, и ни у кого из присутствующих на совещании адмиралов не возникала мысль о неправомерности подобного заявления.

Они, не стовариваясь, молчали, ожидая, что же будет дальше?

Все понимали: сейчас, когда Хаммера не стало, можно остановить войну, вступить в переговоры со Свободными Колониями, ибо скончался человек, который личным волевым решением положил начало боевым действиям.

Все понимали, но семь адмиралов, командующих отдельными формированиями ВКС Альянса, молчали, каждый вынашивал в душе некие планы. Вот и Купанов, к примеру, даже не помыслил о том, чтобы поднять вопрос о прекращении войны.

Он смотрел на Нагумо и думал, подмечая мельчайшие детали в облике человека, чья слава была столь же велика, сколь и зловеща: *а ведь он долго не удержится у власти. Постарел, сдал, да и врагов у него достаточно. Что же станет, когда свершится очередной переворот?*

Семь флотов, семь адмиралов. Альянсу реально грозил распад...

Его мысли нарушил голос Нагумо:

— Каждый из вас сегодня получит развернутый план действий флота на ближайшую перспективу. Мы кардинально меняем стратегию. Переходим к широкому пространственному охвату скопления Центральных Миров с целью блокады стратегических гиперсферных трасс и захвата удаленных, еще не втянутых в войну Колоний эпохи Великого Исхода.

Маховик войны, застывший на миг в мертвой точке, скрипнув, вновь начал свое движение, под ледяное молчание власть предержавших.

Никто из собравшихся не попытался оспорить слова Нагумо, что-то возразить или предложить, тем более что адмиралам, командовавшим флотами, переговоры с Колониями сулили разве что скорую отставку.

Каждый думал о себе и никто — о Человечестве.

— Разрешите вопрос, господин адмирал? — сломал тягостное ощущение конформизма молодой дерзкий голос.

— Да, слушаю. — Нагумо даже не повернул головы: он и так знал, кто осмелился нарушить молчание.

Со своего места поднялся командующий пятым флотом, самый молодой из плеяды высших офицеров новой волны — некто Табанов, — темная лошадка, по мнению большинства.

— Наличие проработанного плана подразумевает, что его готовил сам Джон Хаммер?

— Вопрос провокационный, но я отвечаю: идея принадлежит мне. — Нагумо одарил Табанова не приветливым взглядом. — Еще в начале войны стало ясно: позволяя Колониям вести разведку за пределами «освоенного космоса», мы совершаем ошибку, упуская стратегическую инициативу. Создание сети военных баз и планетных опорных пунктов, которые замкнут Центральные Миры в своеобразную «сферу», позволит сформировать в границах освоенного космоса «зону отчуждения», которая не даст сопротивляющимся колониям наращивать свою мощь за счет ресурсов удаленных звездных сис-

тем, — вот верная стратегия на перспективу и одновременно — главная тактическая задача текущего момента. В предстоящей ширококомасштабной операции у каждого из флотов будет свое специфическое задание.

Купанов слушал Нагумо, не пытаясь вмешаться. Лишние вопросы, заданные сейчас, несомненно аукнутся впоследствии. Память у Нагумо крепкая. Павел Петрович Купанов являлся не только опытным адмиралом, но и прожженным политиком. Он начал карьеру, командуя артиллерийской палубой крейсера «Эммануил», принимавшего участие в атаке системы Дабог, дослужился до звания командующего флотом и прекрасно понимал: за общими фразами Нагумо действительно кроется новая стратегия боевых действий в космосе. Способность анализировать ситуацию, воспринимать не только высказанные вслух мысли, но и их подтекст не раз помогла ему в трудных ситуациях постоянной кулуарной борьбы за власть.

Вот и сейчас он интуитивно понял: Нагумо не просто так обозначил новую стратегию — он устранял угрозу, перемещал флоты, намеренно разделяя их, давая каждому адмиралу свою задачу и определенный сектор космического пространства. Старик не желал терять власть либо устраниваться от дел. Но что произойдет, когда его не станет?

Он пытается разглядеть лидера среди нас. Человека, способного занять высокий пост, удержать Альянс от дробления.

Слова Нагумо действительно прозвучали для большинства присутствующих, будто отмашка на старт в короткой, но яростной гонке за первенство, по результатам которой Нагумо, без сомнения, объ-

явит имя своего преемника, а сам уйдет в тень, под гарантии личной неприкосновенности.

Что ж... Посмотрим, какую задачу он поставил седьмому флоту, — подумал Купанов. Он уже не сомневался, что кроме общих целей войны в каждом из заданий скрывается некий шанс либо подвох. Нагумо желал увидеть, кто из адмиралов поймет его намек, сумеет не только достичь намеченной цели, но и вырвать для себя некое неоспоримое преимущество.

Совещание продолжалось, но Купанов слушал дальнейшие доклады без особого внимания. Главное он уже выделил, и теперь ему не терпелось просмотреть файлы с конкретной задачей флоту.

Он принял условия игры, предложенные Верховным Главнокомандующим, и не собирался упускать выпавший ему шанс стать первым среди равных.

* * *

*Крейсер «Апостол».
Двенадцать часов спустя*

На следующий день адмирал Купанов собрал совещание высших офицеров флота.

Он не ошибся в интуитивном предвидении ситуации, но доводить подобные мысли до офицерского состава не собирался. Адмирал оставался себе на уме, рисуя варианты развития событий на ближайшую перспективу.

— Итак, господа, новая стратегия озвучена, — обратился он к притихшей в ожидании аудитории.

Купанов мысленным приказом включил систему голографического вывода данных. Посреди обширного помещения появилось объемное изображение космического пространства. Многие звезды были помечены различными маркерами, условными

знаками, по взаимному расположению которых, их наличию либо отсутствию, приглашенные офицеры получали наглядное представление о современном положении дел на фронтах Галактической войны.

Пять звездных систем, где планетные цивилизации колонистов, еще до начала вторжения со стороны прародины Человечества, сумели (после четырехсотлетней изоляции) вторично выйти в космос, были окружены плотными скоплениями различных обозначений. Здесь присутствовали маркеры пространственных минных полей, дрейфующих в космосе форпостов: чем ближе к системе звезды, тем плотнее сходились условные знаки, образуя структуру глобальной противокосмической обороны.

Однако основные боевые действия последних лет велись уже не в системах Центральных Миров — отчаянные и кровопролитные схватки происходили на удалении в пять-семь, а то и все десять световых лет от постепенно набирающих мощь Колоний.

В звездных системах, ставших ареной упорных боев, как правило, не существовало обитаемых планет либо они были уничтожены в ходе отчаянного противостояния.

Чем же обуславливалось значение пустынных и безжизненных уголков космоса? Быть может, ресурсами?

На заданный вопрос исчерпывающе отвечала только теория гиперсферы¹ — аномалии простран-

¹ Горизонталь гиперсферы — линия напряженности аномалии космоса, отражающая гравитационную взаимосвязь между звездой и ближайшим соседним светилом. От одной звездной системы может вести несколько десятков горизонтальных линий напряженности, в зависимости от количества звезд, расположенных в радиусе сферы в десять световых лет. Для достижения звездных систем, расположенных на удалении более десяти световых лет, необходимо менять навигационную линию напряженности гиперсферы.

ства-времени, через которую перемещались космические корабли.

Силы двух звездных союзов сходились в ожесточенных схватках за контроль над так называемыми точками промежуточного всплытия, а если выражаться проще — за системы, откуда возможен прыжок к Центральным Мирам.

Пока что закрепить, организовать мощный заслон, блокирующий саму вероятность перехода вражеских эскадр на новую горизонталь гиперсферы, не удавалось ни одной из сторон.

В результате создалась патовая ситуация: военно-космические силы Альянса не имели возможности наносить прямые удары по планетам противника, а флот Свободных Колоний, по сути, находился взаперти — любой маневр, ведущий в обход упомянутых систем, вводил корабли в зону неисследованного космоса, а в условиях, когда гиперсферная навигация только зарождалась, делала первые робкие шаги в деле изучения свойств аномалии, подобные подвижки сил флота граничили с авантюрой.

Требовались годы на разведку и освоение новых гиперсферных трасс, прокладку маршрутов в обход систем, где обе враждующие стороны погубили немало людей и техники.

Таким образом, план адмирала Нагумо не прочил быстрого окончания войны, напротив, организация военных баз во всех без исключения системах, обнаруженных в зоне неисследованного космоса, затягивала войну на неопределенный срок, но при умелом подходе и достаточном количестве сил гарантировала Альянсу победу в перспективе.

Купанов позволил собравшимся офицерам проникнуться идеей новой стратегии, а затем, посчитав, что времени на осмысление пространственной

схемы достаточно, перешел к сути конкретной текущей задачи, поставленной перед силами седьмого ударного флота.

В стороне от театров военных действий появились еще два маркера.

— Как вы видите, перед нами базы космического флота Свободных Колоний. Разведке Генерального штаба удалось не только обнаружить места их дислокации, но и выяснить назначение, а также приблизительную структуру объектов. В нашем случае речь пойдет о системе звезды МР-5608, которая имеет шесть планет. Кислородсодержащей атмосферой обладает четвертый спутник звезды, там, по сведениям разведки, создана мощная инфраструктура баз РТВ¹, куда на протяжении последних лет вывозилась вся техника Альянса, захваченная флотом Колоний в ходе боевых действий. Планета представляет угрозу не только из-за хорошо организованной, глубоко эшелонированной планетарной и противокосмической обороны: во-первых, система звезды рассматривается командованием как один из важных стратегических «узлов» гиперсферной сети, и, во-вторых, на базах РТВ проводятся интенсивные исследования трофейных серв-машин, а на полигонах отрабатываются приемы борьбы с нашей планетарной техникой и проходят испытания новые комплексы вооружений.

Задача, поставленная перед флотом, — совершить гиперпространственный переход по координатам звезды МР-5608, прорвать оборону противника и захватить планету.

Адмирал Купанов сделал паузу, наблюдая за ре-

¹ РТВ — робототехническое вооружение.

акцией командиров кораблей и штабных офицеров флота.

— У нас недостаточно сил для крупномасштабных боевых действий на поверхности планеты, — в ответ на выжидающий взгляд адмирала произнес начальник штаба флота. — Десантные подразделения укомплектованы личным составом едва ли на треть.

Большая тема, затронутая так некстати, не вызвала недовольства со стороны командующего флотом.

Действительно, война сжирала все больше и больше людей; словосочетание «человеческий ресурс» хоть и крутилось на языке, но мало кто в последние годы решался произнести его вслух — статистика потерь угрожающе росла, и многим из старших офицеров было ясно — еще пара лет такой войны и...

— Командование знает о существующих проблемах. Они решаются вполне успешно. От удручающей статистики жертв мы вскоре перейдем к подсчету потерь среди *машин*. — Адмирал намеренно выделил интонацией последнее слово. — Новая концепция ведения боевых действий предполагает использование полностью автоматизированных соединений, которым в качестве поддержки будут приданы андройды технической и пехотной модификаций. Но, прежде чем новейшие образцы техники начнут поступать в войска, необходимо уничтожить исследовательские базы противника. Нехватку личного состава мы восполним непосредственно во время штурма планеты: на базах РТВ содержатся сотни наших пленных «пилотов», их освобождение и немедленное включение в боевые действия — вот первейшая задача десанта. Ее выполнение обеспечит специально подготовленная диверсионная груп-

па. Наши силы овладеют одним из ключевых объектов, откуда освобожденные пилоты будут доставлены к ангарам серв-машин.

— Не понимаю, господин адмирал, о каких пилотах идет речь? И почему их содержат на планете рядом с базами РТВ? — спросил полковник Иверзев, под началом которого находились все десантные подразделения флота.

— Об этом мы поговорим во второй части совещания, — ответил Купанов. — Наземная операция спланирована в объединенном штабе флотов. Для ее проведения нам присылают пополнение — один серв-батальон, полностью укомплектованный новейшей техникой и пилотами. Наша задача — прорвать космическую оборону, обеспечив штурмовым носителям безопасные коридоры сближения с планетой. Вот над этим мы и станем думать.

* * *

Юнона.

Сектор лабораторий «Гамма»...

Главный конструктор модулей «Одиночка» Говард Фарагней пребывал в тот день не в лучшем расположении духа. Жизнь, казавшая еще в недалеком прошлом совершенно понятной, неожиданно дала трещину. Он стал замечать, что в недрах бункерной зоны штат персонала из числа людей постепенно замещают машины, — исследования продолжались полным ходом, но Фарагней, обычно нетребовательный к условиям проживания, всецело поглощенный работой, начал страдать от одиночества.

В последнее время он редко покидал прохладные глубины секретной бункерной зоны, но сегодня ему вдруг захотелось сделать глоток настоящего

утреннего воздуха, отвлекаться от технических заданий, оглядеться, понять, что же на самом деле происходит с окружающим миром и насколько глобальны вкравшиеся перемены?

Для руководителя его ранга на Юноне не существовало запретов или ограничений.

Поднявшись на скоростном лифте с четырехкилометровой глубины, Фарагней, миновав стартовые площадки, предназначенные для «Нибелунгов»¹, прошел через контрольно-пропускной пункт и неторопливым шагом направился к ближайшему лесному массиву, благо маскирующие посадки начинались почти сразу за периметром посадочных площадок.

Он рассчитывал побыть в одиночестве, позволив себе на некоторое время стать самим собой, вспомнить, что над головой бывает чистое, лазурное небо, а запах хвои — это не только экстракт, заправленный в систему насильственной вентиляции и кондиционирования воздуха.

Однако не стоило забывать, что на Юноне каждый квадратный метр площади суши отдан жестокому служению богу войны. Под сенью генетически модифицированных сосен, вырастающих на десятиметровую высоту всего за один год, проходили дороги, располагались различные постройки, казармы, технические боксы, площадки для построек техники и личного состава формируемых на Юноне подразделений.

На одном из таких плацев он заметил нестрой-

¹ Штурмовой носитель «Нибелунг». Запуск с борта крупных единиц флота (фрегатов, крейсеров) осуществляется исключительно через вакуум-доки. Предназначен для доставки на поверхность планет технического обеспечения и поддержки огнем соединений. Штатный экипаж — 4 человека или андройды с интегрированными модулями «Одиночка».

Содержание

СЕРВ-БАТАЛЬОН. <i>Роман</i>	5
Пролог	7
Глава 1.	15
Глава 2.	53
Глава 3.	85
Глава 4.	159
Глава 5.	187
Глава 6.	199
Глава 7.	263
Глава 8.	286
Эпилог	311
Глоссарий	318
ДОЖДЬ. <i>Повесть</i>	319
Глава 1	321
Глава 2	325
Глава 3	337
Глава 4	361
Глава 5	364